

Участие неправительственных, некоммерческих организаций в избирательном процессе: опыт и проблемы

Нина БЕЛЯЕВА, президент фонда "Интерлигал"

Несколько слов об истории вопроса. Различные общественные организации существовали и при коммунистическом режиме. Но программы общественных организаций (не только программы, но даже Уставы) либо напрямую утверждались партией, либо представители партии и государства присутствовали на заседании общественных движений, либо эти программы были совместными, либо были совместными такие решения. С точки зрения идеологической – это вполне понятно. Но с точки зрения практической – очень многие общественные объединения, которые не всегда клялись в верности партии, а просто хотели принять какое-то реальное участие, вынуждены были это делать. Никакого другого канала не было. Поэтому вся их политическая и гражданская активность выливалась в такое взаимодействие с партией и государством.

В 1985 году пришел Горбачев и провозгласил идею гражданской инициативы. Тут и началось движение, которое потом было названо движением неформальных объединений. Дальше было еще интереснее, потому что волна общественного движения захлестнула в целом общественную жизнь. Стали создаваться широкие общественные движения и народные фронты. То есть общие объединения этих участников, которые начали оказывать путем демонстраций, путем реального выхода на улицу (это и есть "гражданская инициатива") просто определяющее воздействие на развитие политики, всей новой политической системы. И то, что с ними надо что-то делать, было уже очевидно всем. Тогда был инициирован закон СССР "Об общественных объединениях", который в первую очередь был направлен на то, чтобы как-то контролировать эти движения. Потому что начали активно развиваться такие движения, как "Память". И они были на начальном этапе более шумными, заметными, казались ведущими, так как именно они организовывали первые большие демонстрации.

Первая крупная несанкционированная демонстрация, которая началась у Манежа, прошла до Моссовета и вызвала руководителей Моссовета на диалог, была организована именно "Памятью". И поэтому перед руководителями города и страны остро встал вопрос: "Что с ней делать, как ее регулировать?". Потребность в законодательстве была сразу осознана руководителями. И начался диалог. Началась проработка законодательства уже сверху. Начались две тенденции: с одной стороны, государство хочет регулировать и контролировать, с другой стороны, общественные объединения хотят больше прав, больше гарантий, больше возможностей для реализации своих инициатив. Значит, уже есть то поле, на котором можно действовать, и масса информационных поводов, о чем можно писать. Естественно, пресса стала это подхватывать. И начались первые публикации по этому поводу. Но информации было очень мало, потому что все это движение неформально существовало вне официальной прессы. Существовал огромный "самиздат", который об этом писал, но в официальную прессу эти сведения просачивались очень мало.

Впервые развернутая статья о Народном фронте Эстонии появилась в "Московских новостях" – эта газета была флагом гласности.

Все это было очень подозрительно: национальные республики, независимость, какие-то новые движения. Непонятно, куда они ведут, поддерживают оккупантов бывших фашистских и т.д., что это за народный фронт. Тем не менее "Московские новости" на последней странице опубликовали о нем целую полосу с большой фотографией Певческого поля, на котором сотысячная толпа вместе поет песни. И все это организует Народный фронт. Совершенно неизвестная для советской реальности сила общественного движения, организованного помимо партийной инициативы, именно гражданская инициатива.

Еще одним проблемным пунктом общественного сознания было общее негативное отношение к несанкционированной активности, даже с оттенком брезгливости. Потому что новые движения ассоциировались с какими-то "чуждыми", а потому и "опасными" молодежным тусовкам (хиппи, рокерами, панками и т.д.), в немалой степени благодаря усилиям в том числе и идеологов от комсомола, доказывавших, что все они и есть "неформалы". И совершенно намеренно не замечались, выпадали правозащитные, экологические, педагогические, коммунаские движения. Я не говорю уже о таких известных объединениях, как КСП, семейные клубы альтернативного воспитания, радиолюбителей, эсперантистов и т.д. Был огромный спектр общественных движений, которые жили вне политической системы и считались в подполье, а тут они все разом вышли на поверхность. И отношение к ним было совершенно неадекватное. Общество о них ничего не знало.

Никто о них не писал и не рассказывал. Поэтому роль прессы на этом этапе развития гражданского общества была колоссальной: представить палитру этих движений, объяснить кто они такие и чего добиваются.

Егор Яковлев, который тогда возглавлял "Московские новости", пригласил меня политическим обозревателем в свою газету, чтобы отражать всю информацию, которая касается неформальных движений. И мы стали делать такие развороты, на которых просто давали портреты, в том числе и портреты людей – лидеров организаций, с описанием, что они хотят, что они делают. Мы быстро убедились, что работа по развитию информации об общественных движениях и организациях, анализу их деятельности и обеспечению им правовой защиты нуждается в каком-то самостоятельном институте. Так возникла идея центра "Интерлигал". И мы этот центр зарегистрировали отдельно, как самостоятельное юридическое лицо. (Благо уже появилось законодательство "О малых предприятиях", а затем "О кооперативах". То есть появилась возможность создания юридических лиц, возможность альтернативной занятости помимо государственных учреждений.) И мы как бы выпорхнули из-под крыла "Московских новостей" и начали работать самостоятельно, но с газетой продолжали сотрудничать.

В дальнейшем вокруг нашего коллектива выросла группа журналистов, политологов, юристов, которые и поставили своей задачей создание правовых условий для развития и поддержки структуры гражданского общества, в том числе с использованием механизма прессы. Это конкретный пример поддержки через прессу гражданских инициатив.

Важно еще другое. Вот мы говорим, что сейчас выборы – важнейшая тема. Именно какое-то серьезное событие общегосударственного значения является мобилизирующим фактором. Таким фактором для создания центра, а затем фонда как самостоятельного коллектива были первые полусвободные, но уже альтернативные выборы в 1989 году. И тогда, как и сейчас, было понятно, что граждане не знают своих избирательных прав. В деталях никто никому не объяснял нового закона 1989 года. Что такое выдвижение кандидата по месту жительства? Как формируются избирательные объединения? Как можно отстаивать свои права перед государственными органами и избирательными комиссиями? "Выборы–89 – не просто возможность, а новый этап развития общества. Вы теперь можете выбирать своих представителей". Но как? Эту процедуру подробно обществу никто не объяснял. Мы поняли, что в общественном сознании здесь громадный пробел. И мы начали заниматься именно этим. Мы создали группу юристов, которая оказывала бесплатную юридическую помощь, вела бесплатные консультации. В одном из кооперативов нашли бесплатное помещение, в котором бесплатно мои друзья юристы консультировали новые избирательные объединения, а также клубы избирателей по месту жительства и всех тех, кто был заинтересован более подробно узнать о своих избирательных правах.

Позже, в 1990 году, когда были организованы уже выборы в Верховный Совет России, мы работали еще интенсивнее. Тогда был громадный всплеск общественных движений, когда все они (или многие из них) объединялись в рамках движения "Демократическая Россия". Если и не прямо участвовали в выборах, то поддерживали, содействовали. Это было громадное событие для страны, на мой взгляд. Наиболее высокая точка активизации гражданского общества на тот период, который мы начали с перестройки, был именно тогда.

И было ясно, что этому движению катастрофически не хватало информации. Мы стали издавать просто отдельный листок, а потом и информационный бюллетень, который назывался "Выборы–90". Этот бюллетень мы печатали на принтере, множили на ксероксе, раздавали по рукам, возили в регионы. При поддержке первых информационных инициатив и сети общественных объединений – экологических, правозащитных и социальных – создали систему сбора информации в этот бюллетень и его распространение. Он распределялся непосредственно из рук в руки. Никакой государственной системы рассылки не было. Но пользовался колоссальным спросом, потому что там как раз и получили описание новые общественные инициативы, независимые кандидаты и их программы, то, к чему они призывали. Разъяснялись позиции новых политических партий.

Уже тогда фигурировала партия Травкина, появились новые республиканцы, демократы, монархисты, анархисты и т.д. Только никто не понимал, что это такое. Мы давали возможность своим корреспондентам из регионов описать не просто идеи программы, а что реально их кандидаты делают в избирательной кампании. Этот бюллетень стал информационным центром формирования предвыборных структур гражданского общества. Трудно говорить о каком-то влиянии, которое он оказал на политику, но на систему координации и взаимодействия этих структур оказал безусловное влияние. Получилось, что бюллетень "Выборы–90" как информационный ресурс, информационный продукт был тем звеном, который связывал структуры гражданского общества, во-первых, в ходе его производства, а во-вторых, в процессе его распространения.

Я не случайно об этом говорю, потому что именно тогда, в 1989–1990 годах создался механизм, который мы хотим использовать сейчас, на выборах 1999 года. И не случайно я вспомнила об этом периоде 1990 года, потому что потом произошло взрывное развитие прессы. И от одной газеты отпочковалось 33 других. Сформировались разные коллективы. Началась очень большая, жесткая конкуренция между изданиями и между журналистами, а впоследствии и между структурами гражданского общества за место под солнцем, за внимание властей, за деньги иностранных благотворительных фондов.

Можно проанализировать периоды развития нашей гражданской активности и влияние этих инициатив в конкретные периоды избирательных кампаний. Первый период: выборы 1990 года – гражданские движения просто сделали эти выборы. Потому что без гражданского участия, без клубов избирателей, без больших движений не было бы этих выборов, не было бы демократических результатов этих выборов. То есть они фактически сменили строй в России, именно благодаря участию гражданского населения, гражданских инициатив, тех самых неформалов, которые смогли объединиться, в том числе и с помощью прессы и специализированных "выборных" изданий.

Второй период: 1993 год. Движение было совершенно раздроблено. Оно было дезориентировано, общество было расколото на тех, кто поддерживал президента в расстреле "Белого дома", и тех, кто поддерживал "Белый дом". Огромное количество общественных объединений, в том числе молодежи, анархистов. Они собирались у стен, стояли в кольце, как в 1991 году, защищая "Белый дом" против атак со стороны администрации. И общество в целом, и, естественно, гражданское общество, было расколото, просто пополам, на тех, кто призывал участвовать в выборах и поддержать администрацию Президента и их кандидатов, и тех, кто был категорически против и призывал к бойкоту выборов. И поэтому здесь говорить о каком-то влиянии общественности на результаты выборов просто будет неадекватно, поскольку оно никак не было заметно.

Третий период. В 1995 году была другая ситуация, когда многие объединения выросли, окрепли и у них возникли свои связи с государственными органами и с различными политическими блоками. И в этот период очень многие объединения (и женские, и экологические, и правозащитные) участвовали в мониторинге избирательных кампаний и в привлечении граждан к тому, чтобы они приняли участие в выборах. Тогда общественные объединения предлагали свои программы. Было очень популярно составление наказов.

Но что такое наказ? Что мы хотим от власти? Что мы хотим ей предложить? Что гражданское общество думает по поводу того, какой эта власть должна быть? Советская идея наказа депутатам очень глубоко в нас сидит: вот сейчас мы наказ дадим, и депутат все выполнит, и мы потом с него спросим. Во всяком случае, эта идея была очень популярна. И ряд организаций (я в этом тоже принимала участие) собирали предложения от имени общественных объединений. Это уже не такой наказ: вы нам школу постройте, и мост почините, и крышу покрасьте, – а именно социальные программы, которые объединения выдвигали властям. Нельзя сказать, что это была совсем бессмысленная работа. Она просто не была доведена до конца, на мой взгляд, именно потому, что у нас было некое наивное представление, что депутаты действительно заботятся об избирателях, и что им очень важно, что думают избиратели, и что они захотят заручиться поддержкой гражданского общества. И такого рода высказанные, осознанные, собранные вместе предложения помогут им усилить их программу. С точки зрения нормального гражданского общества, в нормальных условиях, когда депутаты – ответственные слуги народа. И в том случае, когда они понимают, что необходимо дорожить своей позицией, своим имиджем, своим престижем, который тоже контролируется через прессу. Для этого кандидатам должно быть важно подчеркнуть связь с гражданским обществом.

Во всяком случае, такие предложения были кандидатам переданы. Они, конечно, не получили никакого развития. Это было для нас очень большим уроком, что нужно это делать не только в избирательную кампанию, но организовывать всю эту работу на протяжении всего периода избрания, и в том числе организовать какую-то систему контроля, опять же через прессу. Потому что звучат идеи императивного мандата, т.е. отзыва депутата. Вот ему дали наказ. Он его не выполнил. Даже неважно, почему. Его взяли и отозвали. Но при этом важно учесть, что во всех демократических странах отказались от идеи императивного мандата, потому что он свойственен только режимам тоталитарным. Сейчас он сохранился только в Корее, Эфиопии и еще где-то, частично в субъектах Российской Федерации. В странах, где императивный мандат еще действует, он применяется в основном правящей политической партией, которая таким образом приструнивает депутата, если он не выполняет указание партии. Дело в том, что механизм отзыва такой сложный, что он только тогда работает, когда есть какая-то контролирующая идеологическая сила. А если мы хотим обойтись без контроля единой идеологии, то средство контроля над обещаниями депутата только одно – в повышении политической ответственности и депутатской культуры и во влиянии гражданского общества через прессу на общество в целом, которое отвергает нерадивого депутата.

Эта тема у нас подробно представлена интересным сообщением экспертов в Интернет–Парламенте.

Возвращаясь к разговору о гражданских инициативах и гражданских наказах, следует отметить следующее. Опыт показал, что организации, даже самые разные, противоречащие друг другу и часто конкурирующие за грант, способны выдвигать и формулировать некие общие идеи, которые были бы конструктивными и направленными на совершенствование жизни общества в целом. И, это стало ясно, механизм продвижения гражданских инициатив во время обсуждения предвыборных платформ нам просто нужно довести до конца, проработав каким–то образом, включая прессу, которая бы отслеживала его развитие (взял кандидат обязательства – а что дальше сделал, каким образом выступает, как голосует, продолжает ли связи с обществом). То есть вести мониторинг. Сегодня мы говорим: нужна стратегия включения в поддержку общественных инициатив – не разовая акция, не одна публикация, а стратегия. То есть нужна долгосрочная работа. Нужно себя как–то обязать, принять решение, что я буду этим заниматься. Мы, наша газета, будем это отслеживать. Наша организация будет этим заниматься. Это главный вывод из нашей прошлой практики, потому что ничего никогда не делается после одной акции.

В целом 1995 год показал, что потенциал у общественных движений существует. Но он не был никак задействован, потому что у большинства движений не было никакой связи со своим депутатом, со своим блоком, со своим кандидатом. Известно, что "Яблоко" заключало договоры с какими–то общественными объединениями о взаимной поддержке. Были и другие случаи, но очень редко.

Например, когда Галина Старовойтова избиралась по Петербургу, вместе с ней работала целая общественная ассоциация, коалиция "Третий сектор". Они организовали кампанию по мониторингу выборов в одном округе. Они обеспечили принятие локального законодательства о налоговых льготах для участников некоммерческой благотворительной деятельности в Петербурге. Это еще одно свидетельство того, как можно много сделать, есть работать коалициями.

Итак, ряд кандидатов пользовались поддержкой конкретных общественных структур и благодаря этому прошли в Думу, получили депутатские мандаты, но согласованных действий в этом секторе на прошлых выборах не было. И только сейчас, через 10 лет с начала первых альтернативных выборов, по инициативе женских, молодежных, правозащитных организаций, нашего фонда уже прошло четыре координационных совещания, на которых представители межрегиональных и общероссийских общественных объединений всерьез задумались о том, что им необходимо координировать свои усилия, чтобы выразить какую–то общую позицию гражданского общества России по отношению к выборам.

Общественные организации начали понимать, что без согласованных действий институтам и представителям гражданского общества серьезно повлиять на эти выборы невозможно. Поэтому те, кто занимался мониторингом выборов, образованием избирателей, проявлением конкретных потребностей общества, понимают, что надо как–то свои усилия объединить. Этот процесс идет непросто, потому что у всех сложился уже свой стиль деятельности, свое понимание задач. Например, правозащитные организации в основном ориентируются на контроль за законностью, следят за нарушением законности и занимаются мониторингом в день голосования. Но, с другой стороны, понятно, что в день голосования уже ничего не решается, вся игра делается заранее. Поэтому необходим мониторинг всей кампании. Однако ряд организаций молодежных и женских, например, говорят о том, что необходимо не только контролировать законность, но и дать избирателю возможность сориентироваться, понять, что происходит, кто за что ратует, что предлагают разные блоки и партии. Нужна какая–то объективная информация о программах – не ангажированная, не политическая. Сейчас мало доверяют политическим блокам. Мало доверяют прессе. Полная каша в сознании, тем более что зарегистрированных избирательных объединений 141. Все переживали, что на прошлых выборах было 43 и как ужасно все запутались. Сейчас 141. Это не значит, что все они попадут в избирательные бюллетени. Но они имеют право по закону участвовать в избирательной кампании, потому что они после регистрации в Министерстве юстиции получили статус политических объединений. Нет гарантии, соберут ли они подписи, смогут ли вовремя пройти необходимую процедуру, смогут ли объединиться в блоки. Но уже ясно, будет много избирательных объединений. Поэтому, естественно, нужно как–то в них сориентироваться. И это совсем не просто. Поэтому образовательные программы для избирателей – это одна из совершенно конкретных и весьма значимых акций, которой будет заниматься, я надеюсь, вся пресса. И здесь возникает другой важный фактор – кто кому и в какой мере доверяет. Наш маленький бюллетень "Выборы–90" пользовался абсолютным стопроцентным доверием именно потому, что он создавался самими организациями, которые в нем были заинтересованы. И ни у кого не было даже мысли о том, что нам помешает какой–то вредный редактор, какой–то плохой издатель. Не было тогда рассуждений типа: "Какая у них крыша? Какой финансовый барон? Какой у них идеологический патрон?". А теперь – каждый за себя, есть своя позиция у редакторов, своя позиция у журналистов,

своя позиция у финансистов. И во что это выльется – не ясно.

Наш фонд постоянно, с 1989 года, занимался правовым консультированием общественных объединений и правовым просвещением избирателей. Даже не политических объединений, а именно гражданских структур, которые были заинтересованы в контроле и проведении образовательных программ для избирателей. Естественно, наш фонд тоже участвует в этой новой общественной коалиции. И когда нас попросили предложить ее структуру, схему, поскольку мы работаем не первый год с PR-агентствами и хорошо знакомы с технологиями, мы поняли простую вещь (это наш опыт 1990 года), что эта коалиция не сможет нормально работать, если у нее не будет какого-то совместного продукта, который она выпускает. Этот продукт, как мы поняли, должен быть именно информационным. То есть с учетом уровня технологий и возможностей 1999 года мы можем делать не какой-то маленький бюллетень в три тысячи экземпляров. Мы можем делать некоторую систему единого аккумулирования и распространения информации, которая была бы направлена на честные выборы.

Это, конечно, требует очень больших ресурсов, включения объединений и взаимодействия с журналистами. Пока предполагается исходить из того, что у нас есть ряд общественных объединений на всероссийском уровне, в котором будут региональные центры и будут пункты сбора информации на местах. Понятно, что эти пункты будут и в Москве по той простой причине, что офисы всех крупнейших организаций (женских, правозащитных, экологических, социальных) сосредоточены в Москве. Поэтому естественно координирующую деятельность организовать из центра, расположенного где-то в Москве. Обсуждали несколько вариантов. В основном думали о правозащитных организациях. Они традиционно ведут деятельность, более близкую этой проблематике. И они пользуются большим доверием. В частности, возможно, что это будет Фонд Сахарова. Возможно какая-то еще организация.

Недавно на "Эхе Москвы" в открытом эфире мы говорили о разрыве общества и власти. Я предлагала: "Давайте соединим общество. Давайте возьмем только общественные интересы". Никто не может назвать какие это общественные интересы. Какими мы хотим видеть представителей власти? Никто не мог сформулировать. Необходимо из размытых неудовлетворенностей, из размытой протестности по отношению к власти и к властям вычленивать и сформулировать конкретные причины этой неудовлетворенности, проработать пути сближения. Эта работа очень предметна, профессиональна. Это задача для людей, которые умеют работать со словом. Уловить эти потребности, проверить, уточнить, найти способы. Вот забастовка шахтеров – они стучат касками по мосту. Требования: "Долой! Убрать антинародный режим! Дать зарплату и т.д." – это все не те лозунги, на которых можно строить государственную политику. А на каких можно строить государственную политику? Вопрос очень серьезный. То есть это, конечно, большая затея. Это не маленький бюллетень 1990 года. Это большой информационный продукт. Но и задачи большие, и ресурсов гораздо больше, и возможностей координации гораздо больше. Мы хотим использовать совершенно новую вещь, которая недавно была создана и называется "Интернет-парламент". Существует Форум в Интернете, где ставится тема для обсуждения, и люди пишут свое мнение. По этому поводу завязывается дискуссия, и решаются какие-то вопросы. При этом есть модераторы, профессиональные журналисты, люди, работающие с прессой и знающие тему, которые задают вопросы в рамках общих тем. Одна из таких тем – "Новая Дума". Это вопросы о том, какой мы хотим видеть новую власть и что мы хотели бы получить от наших депутатов.

Есть целая система рубрик и в каждой отдельный вход. Человек выбирает то, что ему интересно, и туда пишет свои сообщения, участвует в дискуссии.

Мы тоже открываем рубрику "Честные выборы". Ее мы как раз и планируем развить как самостоятельный информационный ресурс. Но возможен и открытый сервер, потому что кому-то удобно встретиться с региональным координатором, а у кого-то стоит свой компьютер, есть выход в Интернет с оплаченной электронной почтой и ему проще послать информацию напрямую. То есть будет такой открытый сервер для получения информации с мест напрямую. И здесь же будет один из этих серверов, где эта информация будет как бы вывешиваться в сети. Задача – сделать ее абсолютно открытой для политиков, для политических блоков и т.д. Таким образом, благодаря новым технологиям, у нас появляется возможность донести мнения гражданского общества до самой широкой аудитории, не покупая места в газете, не покупая времени на телевидении и т.д. Здесь не надо ничего платить. Это открытый информационный проект, в котором предложения института гражданского общества могут получить громадную аудиторию через Интернет. И это важно именно потому, что все разговоры о гражданском обществе получают некоторую технологическую инфраструктурную производственную поддержку.

Что касается целей коалиции. Является ли вновь создаваемое объединение политическим субъектом? Будет ли оно играть самостоятельную политическую роль? Будет ли это оказание услуг

третьему сектору либо это будет какое-то движение, которое направлено на интересы самого третьего сектора? Очевидно, что это не политический субъект, не политическое движение, все

присоединяющиеся организации не только сами не являются политическими субъектами, но и не ставят такой цели, что само это объединение, эта коалиция должна быть политическим субъектом. Речь идет именно о гражданском контроле, о том, что у граждан, которые не разделены по политическим партиям, есть гражданские отношения, что их интересы должны быть представлены в органах власти, и это – основная цель.

Если мы говорим, что выборы – это единственный существующий эффективный механизм связи общества и власти, а именно отражение интересов общества через избирательный механизм в представительных органах власти, то, чтобы этот механизм работал, нужна гражданская культура, гражданская активность и гражданское общество. Вот именно ради этого и создается коалиция. Поэтому стать политическим субъектом, соревнующимся с другими политическими субъектами за свое личное влияние, – такая задача не ставится, более того, она отвергается.

Одна из проблем, осознаваемых лидерами третьего сектора, заключается в замкнутости входящих в него организаций, в том, что третий сектор занимается сам собой, своими проблемами, своими делами. Многие ресурсные центры тоже начали осознавать, что они слишком замкнуты на потребностях своих членов, своих организаций, а на общество они не выходят. И вот эта кампания – это как раз проверка, может ли третий сектор как организованное гражданское общество что-то предложить обществу, менее организованному. Могут ли эти структуры стать той организующей базой, которая будет мобилиующим звеном неорганизованного пока еще общества, а именно индивидуальных граждан, конкретных гражданских интересов, сможет ли этот сектор оказать услуги не политическим партиям, не политическим блокам, а гражданам, избирателям.

Задача состоит в том, чтобы быть системой выражения гражданских инициатив, и для этого необходимо образование, просвещение, информирование граждан, именно для того, чтобы граждане могли бы сделать свой адекватный выбор. И имели гарантии, что этот выбор будет услышан и окажет реальное влияние на формирование власти. В этом заключается идея коалиции.

А что касается организационной структуры, это вопрос об ответственности, безусловно, очень важный: насколько эти люди могут друг другу доверять, и в такой громадной системе как мы можем знать, что наши партнеры также честно, добросовестно относятся к делу. Мы пытаемся возродить все-таки традиции гражданской активности и осознания своей ответственности.

Каждая организация работает на своих ресурсах, на своих волонтерах, на своем осознании единства с этой целью. Это в чистом виде гражданская инициатива, которая инициирована гражданскими объединениями и рассчитана в основном на работу на тех ресурсах, которые уже есть. И отсюда механизм ответственности складывается из двух вещей – это политическая и гражданская кредитная история, как в банке смотрят: "А как вы раньше тратили деньги?". У всех объединений такая история тоже есть, и всегда можно посмотреть, что представляет собой конкретная организация. Это есть первая заявка на доверие, на поддержку: мы знаем эти организации, мы знаем людей, которые ими руководят, и чего они на самом деле добиваются. И надо, конечно, смотреть, кого мы приглашаем в объединение и с кем мы готовы эту работу вести. Механизмом взаимодействия является высокая требовательность друг к другу, которая есть в этих организациях, и престиж этих организаций, которые много лет работают в этой сфере: женские, молодежные организации, "Мемориал", Московская Хельсинкская группа и т.д.

Вот это и есть наш механизм ответственности, а как его построить во всей системе – это организационный вопрос, который мы будем решать вместе с региональными структурами и прессой в том числе. Но дело в том, что мы не прячем информацию, у нас нет секретных источников, а если кто-то ее узнает помимо уполномоченных представителей, то это не страшно, нам нечего скрывать, у нас вопрос идет только об адекватности и ответственности людей, которые информацию представляют. Поэтому, безусловно, важнейший вопрос – кто будут ответственные представители региональных центров, которые будут отвечать за адекватность сбора и передачи этих сведений, потому что мы все заинтересованы в безукоризненной точности того, что мы будем делать.